

Статья по специальности

УДК: 81

**«ОТ ВАШЕЙ КУЛЬТУРЫ СЛОНЫ ДОХНУТ»: ВЕРБАЛИЗАЦИЯ
ПЕРМСКОЙ КУЛЬТУРНОЙ РЕВОЛЮЦИИ¹****Светлана С. Шляхова²***Пермский государственный гуманитарно-педагогический
университет, Пермь, Россия*

Keywords: verbalization, cultural policy, regional identity, irony, self-irony, the art object.

Summary: The article analyzes the verbal reactions of citizens in cultural policy, conducted by the authorities of Perm region. Analysis of verbal reactions is carried out on the material of the printed QMS, blogs, informal communication, spontaneous and organized street actions and artistic practices (2008–2013).

Analysis shows that the Perm creative elite, the opposition government printing QMS and bloggers, residents of the city with low levels of education (poor vocabulary, orientation obscene forms of speech, illiteracy records) demonstrate negative verbal reactions. The capital's art historians and artists, printed QMS, bloggers and Pro-government creative elite, educated citizens and guests (including virtual) all offer the positive verbal reactions. The majority ignores the efforts of the authorities in the field of cultural policy: «the people are silent». Analysis of verbal reactions citizens shows that the authorities failed to clearly articulate the benefits of cultural project for most of the population.

It is established that the main strategy in the verbalization of the Perm cultural revolution is the irony and self-irony, which act as a means of understanding the world, the path to the truth, the ironic tolerance. Irony and self-irony citizens show a discrepancy between the idea and the reality, as well as between reality and possibility.

Imbalance intentions of the authorities and verbal reactions of the townspeople exist in binary oppositions, traditional for the Russian culture: centre-periphery, the sacred-profane, his – strange, new-old etc. Communicative opposition is part of the common opposition of the Russian culture in General.

¹ Исследование выполнено в рамках гранта «Региональная идентичность Пермского края в языках, текстах, образовательных практиках: исследование традиций и динамики (1990-е – 2000-е годы)» (проект № 005-П) научно-исследовательских проектов ПГПУ в рамках ПСР.

² Шляхова, С.С., 2013.

Ключевые слова: вербализация, культурная политика, региональная идентичность, ирония, арт-объект.

Аннотация: В статье анализируются вербальные реакции горожан на культурную политику, проводимую властями Пермского края. Анализ вербальных реакций проводится на материале печатных СМИ, блогов, бытового неформального общения, спонтанных и организованных уличных акций и художественных практик (2008-2013 гг.).

Анализ показывает, что пейоративные вербальные реакции демонстрируют пермская творческая элита, официальные организации творческих союзов, оппозиционные власти печатные СМИ и блогеры, а также малообразованные (бедный лексикон, ориентация на инвективные формы речи, орфографическая и пунктуационная неграмотность записей) горожане. Позитивные вербальные реакции демонстрируют столичные искусствоведы и художники, печатные СМИ, блогеры и творческая элита, причастные к институтам власти, образованные горожане и гости (в том числе и виртуальные) города. Остальное большинство игнорирует усилия властей в области культурной политики: «народ безмолвствует». Анализ вербальных реакций горожан показывает, что власти не удалось понятно сформулировать преимуществ культурного проекта для большей части населения.

Установлено, что основной стратегией в вербализации пермской культурной революции является ирония и самоирония, которые выступают как способ постижения мира, путь к истине, ироническая терпимость. Ирония и самоирония горожан демонстрируют несоответствие между идеей и действительностью, а также между действительностью и возможностью.

Дисбаланс интенций власти, инициирующей культурную политику, и вербальные реакции горожан существует в традиционных для русской культуры бинарных оппозициях: *центр-периферия*, *сакральное-профанное*, *свое-чужое*, *новое-старое* и пр. Коммуникативная оппозитивность является частью общей оппозитивности русской культуры.

Пермь считается «городом более вербальным, нежели визуальным. Пермь надо рассказывать, и это ее существенная особенность» (Абашеев, 2010: 13). Не случайно, приезжающие в Пермь в XIX–XX вв. говорят о невыносимой скуке, серых пейзажах, невыразительной архитектуре и бессобытийности пермской жизни. Возможно, так оно и было до пермской «культурной революции», которая наводнила Пермь многочисленными арт-объектами (около 400) и нескончаемыми акциями, которые лучше видеть, чем рассказывать о них. Текстовое пространство Перми прирастает новыми главами, смыслами, символами, которые пытаются прочитать горожане.

В целом пермский культурный проект преследует благие для региона цели: изменение качества жизни; снижение оттока населения

и повышение индекса развития человеческого капитала; создание новых рабочих мест в секторе культуры и творчества, развитие малого бизнеса, сферы услуг и туризма. Для достижения этих целей организуются институции-флагманы (Музей современного искусства PERMM, Центр развития дизайна и др.) и проекты-флагманы, которые «должны инициировать общественные энергии, вовлекать широкие слои населения в производство и распространение культурных продуктов, а значит, новых стандартов жизни» (Пермский проект, 2010).

Цель настоящего исследования – анализ вербализации пермского культурного проекта «широкими слоями населения» Прикамья. Источники материала исследования – устные высказывания, народный «нейминг», видеоклипы, публикации в СМК, художественные тексты, посты в блогах и комментарии (даются в орфографии и пунктуации авторов) и пр. В оценке культурных событий горожане и критики заняты крайние позиции: одни предлагают «расстрелять», другие – пытаются понимать. Однако большинство – равнодушно к происходящему.

Начало пермской культурной революции связывают с открытием выставки актуального искусства «Русское бедное» в 2008 г. (реакции: *подлинное искусство, уводящее от наносной красоты к настоящему чуду; культурологический шок за 50 рублей; важная нота русской культуры; негламурные шедевры из железа, проволоки, картона и прочей «гадости»; экспонаты типа «сортир»; борьба с гламуром; сермяжная правда русского искусства; хлам и пр.*), а конец – с выставкой В. Слонова «Welcome! Sochi-2014» (реакции: *демотиваторы; традиционный русский лубок; обычное ярмарочное развлечение; русофобские демонстрации; проплачено Госдепом США; черный юмор; сермяжная правда; псевдорыночный реализм; перевод с воровско-бандито-государственного на изобразительный; русофобская лажа; либерастический трэш и пр.*) на фестивале «Белые ночи–2013».

Пермский обыватель склоняется к тому, что это *Пермская культурная махинация* (Д. Воронов <http://newia.info/5317>), *иллюзии, мифы и сказочные распилы*. Соседние регионы завидуют: *«Пермь безусловно самый цивилизованный и демократичный регион Урала, и не только. Невозможно себе представить Великие, Свободные и Прекрасные «Белые ночи» в Е-бурге. Все зачищено, как в гробу – какой уж тут Гельман»* (<http://uraloved.ru/novosti/kulturnaya-revoluciya-v-permi#>).

Идеологами и «виновниками» «Пермского проекта» считаются М. Гельман (в народе – *Жульман*) и Б. Мильграм (в народе – *Министр-министр, Мильграм-Мильграм*), несмотря на то, что концепция культурной политики – детище большого коллектива, в том числе и пермской интеллектуальной элиты.

Программа «окультуривания» Перми проходила под слоганом *Пермь – культурная столица Европы*, что породило нескончаемый поток сарказма со стороны других (естественным образом «окультуренных») городов. Не меньший скепсис этот слоган вызвал и со стороны самих пермяков. В интернете большую популярность снискал рэп-клип «Дак это Пермь» пермской команды КВН «Политех», в котором официальный слоган гиперболизируется посредством градации: *Пермь – это культурная столица края. Пермь – культурная столица Урала. Пермь – культурная столицы России. Пермь – культурная столица мира. Пермь – все знают без сомнений, Пермь – культурная столица вселенной*. Этот клип блогеры немедленно окрестили *Прощание Славянки для господина Гельмана*.

Другой народный вариант официального слогана (*Пермь – столица гоп-культуры*) построен на приемах пародии – гиперболизации и «переворачивании». Звание столицы гоп-культуры в интернете оспаривают Пермь, Екатеринбург и Нижний Тагил. Однако благодаря Светке с Жанкой из команды КВН «Парма», рэперу Сяве (жанр гоп-хип-хопа) и ситкому «Реальные пацаны» (Премия Пермского края в сфере культуры и искусства за 2010 г.) именно Пермь обрела славу «быдлатского» города, в котором все говорят на «неповторимом диалекте российской глубинки» в стилистике «*ну так-то, да*». Но «стилизовать – значит деформировать реальное, дереализовать. Стилизация предполагает дегуманизацию. И наоборот, нет иного способа дегуманизации, чем стилизация» (Ортега-и-Гассет, 1991).

Записи в блогах: «*Знакомые из Москвы уже говорят что Пермь сделала себе имидж города ДЕБИЛОВ благодаря Реальным пацанам!!!!!!*»; «*Мне стыдно, что я пермяк, прямо хоть уезжай отсюда*»; «*Так и знал что из-за этого сериала общественность будет думать что в Перми одни гопники. А на самом деле их осталось не много, только один из районов города – Закамск – не перестает поставлять городу этих дерзких и смелых пацанов...*».

Ирония и самоирония предполагает, что *другой* (зритель) «изначально включен в эту игру, знает ее условия и поймет, что именно автор вкладывает в свои слова» (Ванюшкина, 2011: 120). Герои-гопники популярны у молодежи или возмущают ее потому, что

получатели сообщения не прочитывают иронический подтекст. Реакция образованных людей другая (канд. филолог. наук, Ижевск): *«Как ты кисло о реальных пацанах – я бы гордилась. Люди сделали очень качественное кино, с хорошими диалогами, все точно и без малейшего нажима, лучшее, что есть сейчас. Маасковские так не сумеют. Я и то горжусь, как регионально близкая».*

Сподвижником М. Гельмана в «окультурировании» Перми является Б. Мильграм, о котором также «слагают песни» (рэп-клип команды КВН «Особый стиль» из с. Елова): *В Елово живут культурные мамы. Пугают детей Борисом Мильграмом!*

Со времен Б. Мильграма Пермский драматический театр называется *Театр-театр*. (Название не ново. В 1985 г. режиссер Б. Юхананов создает экспериментальную студию «Театр-Театр».) Пермьяки иронично откликнулись на редупликацию, называя режиссера не иначе как *Мильграм-Мильграм*: в названиях статей – *Мильграм-Мильграм, министр-министр. Театральные новости от Татьяны Тихоновец* (<http://www.permonline.ru>), *Пять вечеров с Мильграмом-Мильграмом* (<http://www.alpha.perm.ru/sosed1>) и др. В Сети появился сайт *Milgrammilgram.com*, который позволяет «мильграмизировать» любую фразу: на страничке два окна – в одно вводится фраза, в другом – фраза появляется удвоенной. «Принцип Мильграма» реализуется в эргонимах (кафе *Yes't Yes't*), названиях общественных организаций (*ЧК-ЧК* – Чрезвычайная комиссия «Честный контроль» за честную кампанию на президентских выборах 2012 г.). Журналисты, освещая темы культуры, подписываются *Екатерина Оборина-Екатерина Оборина. Обозреватель-Online* и пр.

На январском арт-салоне 2012 г. в Перми выставляется картина М. Титова «Сука-Любовь» (отсылка к фильму А. Гонсалеса Иньярриту или песне С. Крутикова?), на которой изображен поцелуй Мильграма и Гельмана (отсылка к «Поцелую Хонеккера и Брежнева» Д. Врубеля), сжимающих красную букву П (еще один «культур-революционный» символ Перми). Во время выставки к картине была приклеена 10-рублевая купюра с надписью *«Какая культура – такая купюра»*. Народ окрестил картину *«Миля и Геля»*.

Основные претензии пермяков к М. Гельману – экспансия москвичей, которые «пилят» бюджетные деньги за «сомнительные» художественные объекты, оставляя без системного финансирования местную культуру, – артикулируются пермской творческой элитой.

Писатель Алексей Иванов: *«Мне жалко, что Пермский край в очередной раз теряет возможность избавить свою культуру от дистрофии. Чужими щами сыт не будешь. Мы можем прокормить*

хоть 20 Гельманов, но с Гельманами и без Чердыни, Усолья, звериного стиля и «Капризки» мы будем никем. Я не хочу быть никем и не хочу быть с теми, кто считает, что я и так никто» (Иванов, 2009).

Поэт Игорь Тюленев: «Только вдруг налетели карманы-гельманы, Стали мозги чинушам пороть и кроить. Пермьяки позабыли о «Парме» романы, Ведь с Речного вокзала теперь не уплыть»; «Пермьяки – «человекообразная масса» Для хануг и дебилов, нагрянувших к нам. Что их объединяет? Лишь деньги да касса. Ну а вместо искусства нам – мусор и хлам!»; «Как для виселиц врыли столбы у вокзала, Чтобы классику вешать на этих столбах? Стали люди плешивого слушать бахвала, У которого – сперма блестит на губах» (Тюленев, 2009).

Разделяя пафос поэта, пермьяки задаются вопросом: а сколько надо для поддержки именно такого «русского стиха»? Запись в комментариях: «Приплыли: я поэт, зовусь я цветик. нашёл время для критики, может быть теперь найдёт время для получения образования? Поэту Игорю Тюленеву не понравился внешний вид нашего министра культуры... “Хоть бы пиджачок нормальный одел”. “надел”, уважаемый поэт. “надел”, а не “одел”. стихи поэт так же грамотно пишет?)))».

Вербальные реакции сопровождают знаки, коды, языки пермского культурного пространства. Так, логотип Перми – красная П (автор А. Лебедев) – пермьяки называют пуква, табуретка, говнобуква, пермец, ПЦ, икеешный столик, говнологотип. Однако реакции пермьяков неоднозначны. Выдержки из блогов и комменты: «Теперь выражение: «Да пошел ты в П..» приобрело куда более реальное, неабстрактное направление»; «Буква П – это П...ц горожанам Перми! Скрытая угроза!»; «Почему москвичей не смущает их буква М, например, в библиографическом списке (М., 2002)? Пусть и у нас так будет: если П, то Пермь, а не Пенза или Петрозаводск... В эту букву Константин Философ (это который Кирилл из пары Кирилл и Мефодий) вкладывал особый душевный покой – божья благодать, нисходящая на человека, чистого помыслами и доброго делами. Хочу понимать нашу красную П именно так: благодать, а не табуретка... По мне так наша П – точная, прямая, устойчивая, крепкая, основательная, без двойных стандартов и морали (и впрямь табуретка)... Ну немного угловатая, грубоватая, неказистая, простоватая, где-то даже «комодистая» (точно, табуретка)... И «морда у меня всегда красная, когда я из бани иду»... Ну и пусть мы будем угловаты и простоваты в своей «красномордой», табуреточной, но благодати... В которой, даст Бог, и упокоимся...».

Заметим, что как в негативных, так и позитивных реакциях присутствует ирония и самоирония.

Музей современного искусства официально именуется *PERMM*. Однако каждому пермяку известно чувство раздражения, когда город называют твердо – *Перм*. В рэп-клипе о Перми есть строчки: *Даже москвичам и то понятно всем – культурная столица – дак это Пермь. Москвичи, не Перм, а ПермЬ.* На концерте группы «Чайф» в Перми ведущий Н.Фоменко поприветствовал зал «Привет, *ПерМ!*» и был освистан. В недоумении ведущий ушел. Вышел через несколько минут и произнес *ПерМЬ*, чем снискал бурные аплодисменты.

Критики пермской «культурной революции» говорят о вторичности насаждаемого арт-пространства. Арт-объект в виде надкушенного яблока (худ. Ж. Кадырова): скептики ссылаются на знаменитое надкушенное яблоко *Apple* и *The Big Apple* как старое название Нью-Йорка. Пермяки называют его *огрызок, обкусанное / заржавевшее / обгрызенное яблоко, яблоко раздора*.

Арт-объект *Пермские ворота* (худ. Н. Полисский) повторяют его же Лихоборские ворота (Москва, метро Владыкино) и напоминают триумфальную арку, сооруженную из огромных бревен; части арки направлены на четыре стороны света. Искусствоведы называют Лихоборские ворота русской репликой парижской Арк-Сиком в Дефансе. Вероятно, *Пермские ворота* – пермская реплика Лихоборских. Стандартное *Пермские ворота* (ср. *Бранденбургские, Золотые, Арбатские ворота* и пр.) пермяки заменили названиями *Поленница, Домик бобра, Бобровая хатка, Памятник плотогонам, Муравейник, Мохнатая П, Табуретка, П-буретка, Лесопилка*.

Записи в блогах: «*А вот бревенчатая П – бешеный бюджетный унитаз. Там только леса мультот на 5. А учитывая распилы и откаты – даже думать не хочется. Там, говорят, ещё музыка играет – не знаю, ни разу не возникло желание туда сходить. Интересно, как скоро спалят к х..м?»*; «*А как Вам деревянная табуретка у вокзала????! Символ края тюрем и лесоповалов!!!!!!!!!!!!!! Здесь власть точно попала в цель!!!!!!!!!! Не театр не культура не что-то иное, а именно тюрьмы и лесоповалы!!!!!! Даже опера у нас в тюрьме ставится!!!!!!!!!!!!!!*».

Арт-объекты художника А. Люблинского *Red People* (*Красные человечки*) до Перми показывались на Рублевке в Москве и на выставке в Петербурге. Сейчас человечки живут на улицах города. Пермяки называли их *Безголовые, Безголовики* (после чего депутаты Гордумы распорядились удалить их от здания Думы), *Красные че / челы*. Ю. Шевчук на концерте в Перми назвал их *Красными*

буратинами, а инициатора их установки – *Папа-Карло-Гельман с топором*. Тема дров (поленьев) прослеживается в рэп-клипе команды КВН «Особый стиль» из с. Елова: *Бабушке Любе топить нечем печку. Гельман, везите своих человечков!*

При этом пермяки относятся к Red People как символу Перми (поднимают на вершину Килиманджаро, тиражируют в сувенирах, вставляют в клипы о Перми, наряжают в новогодние костюмы) и как к символу власти, используя их в политических акциях. Так, в декабре 2011 г. арт-группа «Медвед» обмотала Красного человечка бинтами и повесила табличку «Больной единоросс»: *«Все просто. Мы за честные выборы и поэтому любая попытка сделать их нечестными вызывает у нас протест. И поэтому лично Марату Гельману за использование искусства ради грязных целей наше простое человеческое: [изображение неприличного жеста со средним пальцем] А, конкретно, мы ответим нашим врагам тем же оружием: Любой единоросс “болен” по определению: И мы сердобольные “белые ленточки” решили помочь бедняге и немного полечить его* (<http://effectmecht.livejournal.com/1055.html>).

Характерно, что в Перми довольно много арт-объектов подобного рода, но «местного происхождения» (например, роботообразные цитаты В. Рычкова и С. Лобанова «Рабочий и колхозница» В. Мухиной и «Мыслитель» О. Родена), которые не вызывают никакого протеста у пермяков. Региональная идентичность объекта обеспечивает лояльное отношение горожан. Так, один из памятников (*Пермяк – солёны уши*) представляет собою огромные уши на овальной рамке, в которую можно просунуть голову и сфотографироваться. Напротив «рамки с ушами» установлена изящная скульптура фотографа. В 2009 г. журнал «Русский мир» признал этот памятник «самым странным» памятником России, однако региональная идентичность памятника обуславливает отсутствие недовольства пермяков этим арт-объектом.

Протестное поведение пермяков выражается в митингах против культурной политики властей. Организаторы митинга (30.06.2011) – пермские отделения Союза художников, Союза писателей России и краевой профсоюз работников культуры. Основные слоганы: *«С нами пермские боги!»* и *«Пермь – не свалка для псевдокультуры!»*. Журнал *Соль* (официальный «рупор» Пермского проекта) немедленно отреагировал материалом *«Абортники культуры»*.

Плакаты Союза художников против логотипа П: *«П – это Платье голого короля», «П – это Позор», «П – это Профанация», «П – это перекачка финансов», «Пермь – это пустой пиар». «Самодельные» плакаты: «Мы – не П! Мы – Пермь!», «Кто нами правит? Красные*

человечки?», «Мы против, чтобы пермская культура была падчерицей в собственном доме», «Артистам пермской оперы стоя аплодировал Carnegie Hall», «От вашей «культуры» слоныдохнут» (в это время в зоопарке умер любимец пермяков 46-летний слон Джонни).

Реакция на митинг в блогах: «Во всей этой затее с “культурным” митингом была только одна фишка, но зато какая! Лозунг “С нами пермские боги!” Круче я и не помню, чтобы в Перми что придумали. С этим лозунгом – хоть куда! Хоть ломать, хоть строить. Бороться с врагами и звать в светлое будущее. Молиться и воевать. Тут тебе и сакральность и эпичность и местная специфика. И абсолютно точная привязка к пермской творческой интеллигенции. Ни губернатор, ни приезжий министр культуры, ни тем более Мильграм с Гельманом не могут претендовать на близость к пермским богам. А если попытаются, тем более – “Руки прочь от наших богов! Покушаются на святое!” Даже РПЦ в сторонке нервно курит ладан. Смерть слона Джонни затмила многое. “От вашей “культуры” слоныдохнут!” – неплохо, но несравнимо слабее. Короче, какой классный лозунг промохали! Хоть самому вставай, поднимай его и – вперед! С нами пермские боги!»;

«митингующие – просто несчастные неудачники. буква П конечно – это смешно, но в целом то, что происходит в Перми в последние пару-тройку лет – когда приезжают прекрасные музыкальные, театральные коллективы и из России, и из Европы, когда город стал более радостным благодаря стрит-арту, когда что ни день, то что-то новое и порой на очень высоком уровне..... – это просто радоваться надо. А дети ваши и так, в большинстве так и останутся реальными пацанами)))))))) – ведь им НЕ интересно смотреть как развивается мир и развиваться самим. Митинг этот – сборище грустных чудаков. Пускай себе митингуют». Здесь также «обывательские» вербальные реакции окрашены не «пафосом» официоза, а иронией.

На мнимость «катастрофического» воздействия на пермяков культурной политики властей указывает невысокий интерес большинства горожан к этим проблемам, в том числе контент-анализ пермских СМК и блогосферы. Было проанализировано 836 газетных материалов (четыре пермских СМИ) и 406 постов (пять рейтинговых пермских блогов), однако только 47 статей (6%) и 40 постов (10%) содержат те или иные упоминания о Пермском проекте.

Публикационная активность в среднем по печатным СМК и блогосфере составляет около 8% от всего корпуса материалов. Основными по частоте упоминаний являются персона М. Гельмана,

Музей современного искусства PERMM, фестивали («Белые ночи») и театр «Сцена-Молот». Различия в освещении Пермского проекта имеют несущественный количественный характер (блогосфера чуть активнее реагирует на события). Содержательно исследуемые дискурсы практически не отличаются. В основном пермские печатные СМИ и блогеры демонстрируют либо негатив, либо невысокий интерес к Пермскому проекту. По мнению большинства авторов, вся культурная политика края сводится к организации фестивалей, праздников и различных перформансов, ориентированных, скорее, на шум и провокацию, нежели на попытку сформировать в общественном сознании определенную картину мира, свойственную культурно-историческому положению в регионе.

Таким образом, анализ вербальных реакций показывает, что типичной чертой не прямой коммуникации обывателя в диалоге с властью является ирония. Ирония – не просто троп, а способ постижения мира (Ванюшкина, 2011: 118), определяющая «ценностное отношение» к миру. Народная «ирония, как и Негативное, – путь; не истина, но путь» (Кьеркегор, 1993) к истине. В народной вербализации арт-фактов пермской культурной революции «ирония остается совершенно негативной, утверждая – в теоретическом отношении – несоответствие между идеей и действительностью; в практическом отношении – действительностью и возможностью» (Кьеркегор, 1993). Вместе с тем, по мысли Г. Бёлля, в современных условиях «предельного нравственного выбора» ирония уже «не дает алиби», а потому конституируется как своего рода «ироническая терпимость» (Можейко, 1999).

В целом восприятие культурной политики властей горожанами существует в традиционных для русской культуры бинарных оппозициях: *центр-периферия*, *сакральное-профанное*, *свое-чужое*, *новое-старое* и пр., а коммуникативная оппозитивность является частью общей оппозитивности русской культуры (Дементьев, 2006). Знаки и коды включены в оппозицию *сакральное* (пермские боги) – *профанное* (красные человечки), *свое* – *чужое* и *новое-старое* («вторичность» арт-объектов и уникальность пермских артефактов). Основной оппозицией русской культуры считают оппозицию «новый-старый». Новое считалось не логическим продолжением развития культуры, а отказом от всего предшествующего опыта, сломом всех традиций (Бабаева, 2002), что также нарушает региональную целостность.

«Провинциал склонен дуалистическому, предельно простому видению мира (черное-белое, свои-чужие), он легко идет на

конфронтацию и столь же легко снимает с себя ответственность за происходящее. <...> Наконец, провинция, взятая как культурный тип, боится перемен. Традиция в данном случае понимается как сакральная неизменность» (Раков, 2000: 28–29).

Анализ вербальных реакций показывает, что власти не удалось понятно сформулировать преимуществ культурного проекта для большей части населения. *«И теперь никаких деревянных красных человечков, сидящих на крыше Заксобрания! Они сидели на органе власти!!!»* (<http://www.kp.ru/daily/26108.4/3003785/>).

Литература:

- Абашев, Владимир В. 2010. Неосязаемое тело города. Опыт работы со смыслом. В: *Антропологический форум*. №12. С. 10–16.
- Бабаева, Анна В. 2002. *Изменение форм поведения в процессе трансформаций русского культурного пространства*: Автореф. ... дисс. д. философ. н. СПб. 46 с.
- Ванюшкина, Светлана Г. 2011. Самоирония в ранней лирике В.В. Маяковского. В: *Вестник Томского гос. педагогического университета*. Вып. 7(109). С. 118–121.
- Дементьев, Вадим В. 2006. *Непрямая коммуникация*. М.: Гнозис. 376 с.
- Иванов, Алексей. 2009. «Не хочу быть никем...». В: *Новый компаньон*. 21.07.2009.
- Кьеркегор, Сёрен. 1993. О понятии иронии. В: *Логос*. №4. С. 176–198. URL: http://kierkegaard.newmail.ru/works/Begrebet_Ironi.html (дата обращения: 13.08.2013).
- Можейко, Марина А. 1999. Ирония. В: *Новейший философский словарь*. Минск. 896 с. URL: <http://bookz.ru/authors/gricanov-aa/gricanov03/1-gricanov03.html> (дата обращения: 13.08.2013).
- Ортега-и-Гассет, Хосе. 1991. *Дегуманизация искусства*. Перевод С.В.Воробьева. URL: <http://lib.ru/FILOSOF/ORTEGA/ortega12.txt> (дата обращения: 13.08.2013).
- Пермский проект. 2010. *Концепция культурной политики Пермского края*. URL: <http://www.kulturaperm.ru/content/file/Konsept%20polnyi.pdf> (дата обращения: 13.08.2013).
- Раков, Вячеслав М. 2000. Провинциальная культура в поисках идентичности (пермский случай). В: *Искусство Перми в культурном пространстве России. Век XX*. Пермь. С. 23–31.
- Тюленев, Игорь. 2009. Речной вокзал. В: *Звезда*. 31.07.2009.